

Понимание трансграничного конфликта в постсоветской Центральной Азии: случай Кыргызстана и Таджикистана

Кемел Токтомушев

Университет Центральной Азии, Бишкек, Кыргызстан,

<http://www.ucentralasia.org>

Резюме: Несмотря на преобладание работ по «дискурсам опасности» в Ферганской долине, которые заново изобретают постсоветскую Центральную Азию как место интервенции, литература по потенциалу конфликта в трансграничных районах Кыргызстана и Таджикистана весьма ограничена. Между тем, число маломасштабных столкновений и случаев напряженности на границах районов Баткен и Исфара постоянно увеличивается. Соответственно, в этой работе сделана попытка помочь пониманию эскалации конфликта в этом регионе и идентифицировать факторы, которые усугубляют напряженность между общинами. В частности, в этой статье рассматриваются четыре фактора, которые способствуют напряженности и мешают восстановлению мирной социальной ткани региона Баткен-Исфара: нерешенные проблемы, унаследованные от советского прошлого, неэффективное использование природных ресурсов, милитаризация границ и отсутствие рационально обоснованной политики.

Ключевые слова: Центральная Азия, Кыргызстан, Таджикистан, Фергана, конфликт, границы.

Введение

Значение и степень насилия и потенциал конфликта в современной Ферганской долине были определены как одни из наиболее важных тем в исследовании постсоветской Центральной Азии. Этот густонаселенный регион долгое время характеризуется как место латентного межэтнического конфликта. Регион Ферганской долины является регионом, где не только сосу-

ществуют в сети независимых общин три основные этнические группы – киргизы, узбеки и таджики, имея общие кладбища, пастбища и рынки, но и регионом где этнические и политические границы часто не совпадают.¹

Соответственно, вскоре после краха Советского Союза, Ферганская долина стала известной как неустойчивый и чреватый кризисами регион, подверженный сектантскому насилию. Такие дискурсы характеризовали постсоветскую Центральную Азию как место для интервенций, побуждая международное сообщество войти в регион, чтобы снизить потенциал конфликта и способствовать мирному развитию. Однако, такие интервенции не вносили много гармонии в разделенные сообщества, поскольку они не были связаны с местным контекстом, имитировали миротворчество типа «снизу-вверх» и были слишком техническими и процедурными.² Более того, наряду с неправильным диагнозом причин конфликтов, агентства по международной помощи непреднамеренно оказывали поддержку авторитаризму в Центральной Азии, что порождало новые обиды и тревоги в регионе.³ Что удивительно, во многих академических и направленных на формирование политики работах и дальше подчеркивалась необходимость в переменах, которые произойдут по инициативе международного сообщества без связи с местными реалиями.

В этом смысле, в данной статье делается попытка способствовать смягчению насильственного конфликта и содействовать мирному развитию Ферганской долины через применение научного подхода к пониманию конфликта. В работе сделана попытка найти двигатели эскалации конфликта в трансграничных областях Кыргызстана и Таджикистана, Баткен и Исфара соответственно, которые уже давно являются сценами периодических конфликтов с участием гражданского населения, сил безопасности и представителей государства.

Этимология конфликта

Понимание разных теоретических точек зрения конфликта является важным как для анализа явления, так и для разработки соответствующих механизмов и реакций. После окончания Холодной войны конфликты уже не воспринимаются с идеологических позиций, а скорее, как проявление внутренних антагонизмов. В новых исследованиях по конфликтам предпочтение отдается интерпретациям конфликта, которые подчеркивают первичную роль этнических, культурных или религиозных различий и которые приво-

¹ Madeleine Reeves, "Locating Danger: *Konfliktologiia* and the Search for Fixity in the Ferghana Valley Borderlands," *Central Asian Survey* 24, no. 1 (2005): 67-81.

² John Heathershaw, "Review of the book *Conflict Transformation in Central Asia: Irrigation Disputes in the Ferghana Valley*, by Christine Bichsel," *Central Asian Survey* 29, no. 1 (March 2010): 131-142.

³ Christine Bichsel, "In Search of Harmony: Repairing Infrastructure and Social Relations in the Ferghana Valley," *Central Asian Survey* 24, no. 1 (March 2005): 53-66.

дят к международным терапевтическим интервенциям для сдерживания насилия и нестабильности.⁴ Такой «интервенционизм» был оправдан искривленным представлением слабых государств в качестве провала современного проекта.⁵ В соответствии с этой точкой зрения, результатом этого провала было увеличение числа провалившихся государств, что стало основой для распространения новых форм войны, политики идентичности, децентрализованного насилия и глобализованной экономики войны.⁶

Эти «новые войны» создавали новые сектантские идентичности, которые подрывают чувство общности и обычно являются трудными для завершения, поскольку часто нет единой причины конфликта.⁷ Воюющие стороны заинтересованы в продолжении насилия по разным причинам и сторонники этой гипотезы «новых войн» указывают на «жадность» или экономические мотивы в качестве основных двигателей конфликта. Используя массив данных о гражданских войнах в период 1960-1999, Поль Колье и Анке Хеффлер разработали эконометрические модели для прогнозирования всплесков гражданского конфликта.⁸ Они пришли к заключению, что модель, которая учитывала возможности и экономические условия для восстания, давала хороший результат, тогда как такие факторы, как этническое и религиозное разделение в обществе, имели малую объяснительную способность. Эти выводы стали поводом для дальнейших дебатов «жадность против обид» в отношении причин конфликта.

Хотя экономическая повестка открыла новое измерение конфликта, многие наблюдатели не были убеждены, что «новые войны» действительно вообще были «новыми».⁹ Они утверждали, что роль экономических факторов нелегко отделить от других мотивов, которые обуславливают насилие, и потому следует изучать целый спектр мотивов, в том числе ха-

⁴ Daniela Nascimento, "The (In)Visibilities of War and Peace: A Critical Analysis of Dominant Conflict Prevention and Peacebuilding Strategies in the Case of Sudan," *International Journal of Peace Studies* 16, no. 2 (Winter 2011): 43-57.

⁵ Mark Duffield, *Global Governance and the New Wars: The Merging of Development and Security* (London: Zed Books, June 2001); Christine Bichsel, *Conflict Transformation in Central Asia: Irrigation Disputes in the Ferghana Valley* (Abingdon, Oxon & New York: Routledge, 2009); Nascimento, "The (In)Visibilities of War and Peace."

⁶ Mary Kaldor, *New & Old Wars: Organized Violence in a Global Era* (Cambridge: Polity Press, 1999); Nascimento, "The (In)Visibilities of War and Peace."

⁷ Preeti Patel, "Causes of Conflict," in *Conflict and Health*, ed. Natasha Howard, Egbert Sondorp, and Annemarie ter Veen (Maidenhead: Open University Press, 2012), 5-13.

⁸ Paul Collier and Anke Hoeffler, "Greed and Grievance in Civil War," *Oxford Economic Papers* 56, no. 4 (October 2004): 563-595.

⁹ Stathis N. Kalyvas, "'New' and 'Old' Civil Wars: A Valid Distinction?" *World Politics* 54, no. 1 (October 2001): 99-118; Mats Berdal, "How 'New' Are 'New Wars'? Global Economic Change and the Study of Civil War," *Global Governance* 9, no. 4 (October-December 2003): 477-502.

рактически разных поводов для недовольства и их взаимодействие.¹⁰ В этом контексте, теория Эдварда Азара о затяжном социальном конфликте,¹¹ хотя ее и считают несколько устаревшей, может быть полезной для понимания современной динамики конфликта. Азар нашел четыре фактора, которые определяют переход неконфликтных ситуаций в конфликтные: общинный контент, человеческие потребности, роль правительства и государства, и международные взаимосвязи. Как подчеркивал Оливер Рамсботам,¹² рекомендации в отношении политики с позиций подхода «экономической повестки» не отличаются существенно от тех, которые выдвигает Азар, и которыми являются: значение управления этническим доминированием, противодействие отсутствию экономических возможностей, компенсирование неспособности государства защищать меньшинства и управление влиянием диаспор.

Основываясь на этих моментах, Пол Роджерс¹³ идентифицировал три возможные тенденции современных больших конфликтов. Первая порождена миграцией и обусловлена социальными, экономическими и экологическими мотивами. Усиливавшиеся националистические тенденции и культурные конфликты могут возникнуть в наиболее уязвимых общностях в рамках принимающих регионов с относительно высоким уровнем благосостояния. Второй тенденцией является конкурентная и насильственная реакция бесправных внутри страны и между государствами. Третья тенденция обращает внимание на экологические и ресурсные конфликты, порожденные такими проблемами, как нехватка пресной воды, продовольствия или ископаемых видов горючего в локальном или региональном масштабе.

Последнюю тенденцию давно связывали с регионом Центральной Азии и многие наблюдатели предсказывали ожесточенную борьбу в Ферганской долине за доступ к ограниченным природным ресурсам и их использование. Они прогнозировали, что неудовлетворенные человеческие потребности и проницаемые границы усугубят эту конкуренцию и приведут к расколу национальных сообществ по региональным этническим линиям.

Ферганская долина

Ферганская долина является большой ромбовидной равниной, расположенной в самом сердце Центральной Азии на территории Южного Кыргызстана, Северного Таджикистана и Восточного Узбекистана. Окруженная го-

¹⁰ Berdal, "How 'New' Are 'New Wars'"; David Keen, "Greed and Grievance in Civil War," *International Affairs* 88, no. 4 (2012): 757–77.

¹¹ Edward E. Azar, *The Management of Protracted Social Conflict: Theory and Cases* (Hampshire: Dartmouth Publishing Company, April 1990).

¹² Oliver Ramsbotham, "The Analysis of Protracted Social Conflict: A Tribute to Edward Azar," *Review of International Studies* 31, no. 1 (January 2005): 109–126, 123.

¹³ Paul Rogers, "Peace Studies," in *Contemporary Security Studies*, ed. Alan Collins (Oxford: Oxford University Press, 2007), 35–52.

рами Кураминского, Чаткалского, Ферганского, Алайского и Туркестанского хребтов и приблизительно определенная бассейном реки Сыр Дарья, долина площадью в 22 000 квадратных километров известна своей плодородностью, основными культурами являются хлопок, рис, пшеница, фрукты и овощи.

Первые следы орошаемого земледелия уходят в глубь позднего Бронзового века и эта сельскохозяйственная продуктивность превратила Ферганскую долину одним из наиболее густонаселенных регионов в мире.¹⁴ При населении около 12-15 миллионов, в этой долине проживает приблизительно одна пятая всего населения Центральной Азии. Поэтому, как подчеркивает С. Фредерик Старр,¹⁵ все, что происходит в Ферганской долине напрямую оказывает влияние на экономические, политические и религиозные сферы всех трех государств – Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан.

Немногие были удивлены, когда густонаселенная Ферганская долина снова всплыла после краха Советского Союза в качестве нестабильной зоны, в которой возможны насильственные межэтнические конфликты. Появились множество академических и журнальных публикаций с советами о линиях разломов в Центральной Азии. В этих работах утверждалось, что долину надо «успокоить», поскольку она является уязвимой областью, где «весьма вероятны, даже почти неизбежны, новые проявления насилия».¹⁶ Несмотря на различия в нюансах, сторонники «успокоения» долины утверждали, что потенциальный конфликт проистекал от огромного числа факторов, в том числе бедность, перенаселенность, безработица, экологические кризисы, этническая фрагментация, наркоторговля, национализм, коррупция, авторитаризм, мусульманский фундаментализм и даже конспирологическое участие неких третьих сторон.¹⁷

¹⁴ Abdulkakhor Saidov, Abdulkhamid Anarbaev, and Valentina Goriyacheva, "The Ferghana Valley: The Pre-Colonial Legacy, in *Ferghana Valley: The Heart of Central Asia*, ed. S. Frederick Starr, Baktybek Beshimov, Inomjon I. Bobokulov, and Pulat Shozimov (New York: M.E. Sharpe, 2011), 3-28.

¹⁵ S. Frederick Starr, "Introducing the Ferghana Valley," in *Ferghana Valley*, xii.

¹⁶ Senator Sam Nunn, Barnett R. Rubin, and Nancy Lubin, eds., *Calming the Ferghana Valley: Development and Dialogue in the Heart of Central Asia* (Preventive Action Reports, V. 4) (New York: The Century Foundation Press, December 1999), xvi.

¹⁷ Nunn, Rubin, and Lubin, *Calming the Ferghana Valley*; Anara Tabyshalieva, *The Challenge of Regional Cooperation in Central Asia: Preventing Ethnic Conflict in the Ferghana Valley* (Washington, DC: United States Institute of Peace, 1999); Randa Slim, "The Ferghana Valley: In the Midst of a Host of Crises," in *Searching for Peace in Europe and Eurasia: An Overview of Conflict Prevention and Peacebuilding Activities*, ed. Paul van Tongeren, Hans van de Veen, and Juliette Verhoeven (Boulder: Lynne Rienner, February 2002), 489–515; Александр Осипов, «Ферганские события 1989 года: Конструирование этнического конфликта», *Ферганская долина: этничность, этнические процессы, этнические конфликты*, под ред. Сергея Абашина и Валентина Бушкова (Москва: Наука, 2004), с. 164-223; Igor Rotar, "Will the Fergana Valley Become a Hotbed of Destabilization in Central Asia?" *Eurasia Daily Monitor* 9, no. 180

Хотя большинство этих «катастрофических писаний»¹⁸ не показывало убедительно существование насильственных угроз в регионе и не связывало масштаб прогнозов с малочисленными доказательствами,¹⁹ эта литература преуспела в очередном открытии Ферганской долины как регион для интервенций. Как подытожила это Кристин Бичсел,²⁰ определенно «действенные» по своему характеру, эти работы описывали состояние дел в Центральной Азии, которое требовало действий для предотвращения мрачных последствий, ожидающих регион без внешнего участия и взывали к агентствам международной помощи быстро выполнить эти рекомендации для ослабления воспринимаемого конфликта. Очень часто, такие исследователи, агентства по развитию и эксперты занимали привилегированную позицию в отношении понимания реальности Центральной Азии и подразумевали, что они обязаны излечить те проблемы, которые видны с их привилегированных позиций.²¹

Поэтому, с конца 1990-х агентства международной помощи развернули широкий круг деятельности, направленных на предотвращение конфликта в Ферганской долине, в число которых входили образовательные проекты, направленные на уменьшение предрассудков и увеличение терпимости, системы раннего предупреждения, целевые инициативы по трансграничному сотрудничеству, предпринимательские курсы, программы микрокредитования и обучение по менеджменту границ.²² Такая помощь обычно была сформирована по принципам пропаганды «либерального мира» на Глобальном Юге с фокусом на демократизацию и экономическую либерализацию.²³ Действительно, «магическое трио» рынка, демократии и гражданского общества как панацея развития появилось в 1980-х и стало прописным решением, обеспечивающее развитие в 1990-х.²⁴ Интервенции такого характера были связаны напрямую с конкретной концептуализацией конфликта агентствами международной помощи. Большинство агентств помощи полагали, что конфликт в Центральной Азии вспыхнет из-за скудных

(October 2012), <https://jamestown.org/program/will-the-fergana-valley-become-a-hotbed-of-destabilization-in-central-asia>.

¹⁸ As described by Starr, "Introducing the Ferghana Valley," in *Ferghana Valley*, xiii.

¹⁹ Nick Megoran, "Calming the Ferghana Valley Experts," *Central Asian Monitor* 2000, no. 5 (2000): 20-25, 21.

²⁰ Bichsel, *Conflict Transformation in Central Asia*.

²¹ Chad D. Thompson and John Heathershaw, "Discourses of Danger in Central Asia: Introduction," *Central Asian Survey* 24, no. 1 (March 2005): 1-4, 4.

²² Luigi De Martino, "Peace initiatives in Central Asia: An inventory," Situation Report (Geneva: Cimera, 2001).

²³ Bichsel, *Conflict Transformation in Central Asia*.

²⁴ Gordon White, "Civil Society, Democratization and Development (I): Clearing the Analytical Ground," *Democratization* 1, no. 2 (1994): 375-390; Sunil Khilnani, "The Development of Civil Society," in *Civil Society: History and Possibilities*, ed. Sudipta Kaviraj and Sunil Khilnani (Cambridge: Cambridge University Press, October 2001), 12.

природных ресурсов; участники конфликта будут разделены вдоль этнических линий; и что экономическая недоразвитость, проницаемые границы и неудовлетворенные человеческие потребности приведут к насилию.

Когда стандартные западные реформы не смогли запустить развитие плюралистического общества и поспособствовать демократическим трансформациям в регионе, множество задействованных инициатив по предотвращению конфликта показали, что конфликт в Центральной Азии, реальный или воспринимаемый, не может быть сведен к одной переменной. В конце концов, как подчеркивает Ник Мегоран, многие из факторов, которые приводили к конфликтам по всему миру, присутствуют в Ферганской долине, и поэтому, главной целью исследователей, агентств помощи, правительств и местных сообществ является осуществление перемен, которые необходимы для предотвращения конфликтов.²⁵

Баткен и Сугд

Несмотря на преобладание «катастрофических» работ о Ферганской долине, литература по потенциалу возникновения конфликта в областях на кыргызско-таджикской границе весьма ограничена. Между тем, число маломасштабных столкновений и напряженностей на этих границах постоянно увеличивается. Существенная часть Ферганской долины, Баткенский район, находится на юго-западе Кыргызстана. Этот административный район был учрежден как седьмая отдельная область Кыргызстана 12 октября 1999, в какой-то мере из-за вторжений вооруженных панисламистских экстремистов в Ферганскую долину. Население района составляет 492 000 и рассчитывает в основном на животноводство и земледелие.²⁶ Расположенный на северо-западе Таджикистана, Сугд является домом для приблизительно 2 349 000 жителей и располагает наибольшей частью обрабатываемой земли в республике, к тому же является единственным районом Таджикистана полностью зависимый от внешних источников воды.²⁷

Из 971 километров границы, разделяющей Кыргызстан и Таджикистан, только о 519 имеется официальная договоренность.²⁸ Спорные участки, которые разделяют эти два государства, проходят через кыргызстанскую про-

²⁵ Megoran, "Calming the Ferghana Valley Experts," 25.

²⁶ National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic, "Chislennost naseleniya Kirgizskoi Respubliki za 1 Janvarya 2016 goda (Population of the Kyrgyz Republic for 1 January 2016)," 2016, <http://stat.kg/ru/statistics/naselenie/>.

²⁷ Asel Murzakulova and Irène Mestre, *Natural Resource Management Dynamics in Border Communities of Kyrgyzstan and Tajikistan*, Research Report (Bishkek: University of Central Asia, 2015), 7.

²⁸ David Trilling, "Kyrgyzstan-Tajikistan: What's Next After Border Shootout?" *Eurasianet.org*, January 13, 2014, <http://www.eurasianet.org/node/67934>; "Kabmin odobril delimitaciu 519 km granicy s Tajikistanom (Government Approved the Delimitation of a 519-km Border with Tajikistan)," *Sputnik*, January 16, 2016, <https://ru.sputnik.kg/politics/20160116/1021605681.html>.

винцию Баткен и таджикистанскую Сугд. Есть еще два анклава, таджикские районы Ворух и Калача, которые находятся в Баткенской области. Это территории, на которых периодически имеют место инциденты с участием гражданского населения, сил безопасности и государственными служащими. Конкретнее, южная часть района Исфара сугдской области (джамоаты²⁹ Чоркух, Сурк, Шураб и Ворух) и западная часть области Баткен (муниципалитеты Ак-Саи, Самаркандек и Ак-Татыр) являются местами, идентифицированные наблюдателями как наиболее подверженные межэтническим трениям.³⁰

В целом, годы независимости как Кыргызстана, так и Таджикистана, были отмечены конфликтами на границах их провинций Баткен и Сугд, соответственно (к примеру, в 2000, 2003, 2005, 2008, 2011, 2014, 2015). По некоторым докладам, в период с 2011 по 2013 год произошло 63 инцидента на кыргызско-таджикской границе, начиная от небольших столкновений и заканчивая взятием заложников.³¹ Серьезные эскалации конфликтов обычно включают поджоги, забрасывание камнями и использование сельскохозяйственного инструмента. В результате, такие эскалации часто называют «кетменными войнами».³²

Конфликт в январе 2014 года, однако, был отмечен новой динамикой. Кыргызское правительство начало строительство альтернативной дороги вдоль линии Кок-Таш-Ак-Саи-Тамдык, которая будет обходить таджикский анклав Ворух. 11 января, солдаты таджикской службы пограничной охраны прибыли на место строительства и начали сориться с рабочими укладывающими дорогу.³³ В последовавшем противостоянии кыргызские и таджикские пограничники начали стрелять. В результате было ранено 5 кыргызских и 3 таджикских солдат.³⁴ Министерство иностранных дел Таджикистана утверждало, что часть обходной дороги проходила через оспариваемый участок земли и поэтому таджикские пограничники имели право остановить строительство.³⁵ Кыргызская сторона настаивала на том, что дорога проходит по кыргызской территории и строится для обеспечения безопасного и

²⁹ В Таджикистане, джамоат является административной единицей, муниципалитетом.

³⁰ Bichsel, *Conflict Transformation in Central Asia*, 103.

³¹ Abdulkholiq Kholiqi and Nabijon Rahimov, "Disputable Territories as Hotbeds of Tension on the Border," *Bulletin of TSULBP* (2015): 188-196.

³² Bichsel, *Conflict Transformation in Central Asia*. «Кетмень» – это садовый инструмент.

³³ «Кто первым открыл огонь на таджикско-кыргызской границе?», *Asia-Plus*, 11 января 2014, <https://news.tj/ru/news/kto-pervym-otkryl-ogon-na-tadzhiksko-kyrgyzskoi-granitse>.

³⁴ «Строительство дороги Ак-Сай – Тамдык – Кок-Таш продолжается», *Радио Азат-тык*, 12 января 2014, <http://rus.azattyk.org/a/25227290.html>.

³⁵ «Кто первым открыл огонь на таджикско-кыргызской границе?».

свободного движения кыргызских граждан, которым в противном случае приходилось бы пересекать Ворух.³⁶

Если предыдущие случаи эскалации были «кетменными войнами» или стычками с участием гражданских лиц, вооруженных камнями и садовыми инструментами, в данном конфликте с обеих сторон принимали участие подразделения регулярной армии, которые предположительно использовали тяжелое вооружение в виде минометов и гранатометов.³⁷ Эта устрашающая тенденция заставила правительства Кыргызстана и Таджикистана сесть за стол переговоров и начать искать решения, касающиеся основных причин проблемы.³⁸

Несмотря на продолжающиеся межправительственные дискуссии о необходимости ослабить напряженность на кыргызско-таджикской границе, число инцидентов с всплесками спорадического насилия и обострениями на границе на уменьшалось. Два месяца после заседания межправительственной комиссии, 7 мая 2014 года, на кыргызско-таджикской границе снова произошли столкновения с участием около 1500 людей, с несколькими ранеными, сгоревшими автомобилями и сожженной автозаправочной станцией.³⁹ Совсем недавно, 22 января 2017 года, десятки молодых людей с обеих сторон подрались недалеко от деревни Кок-таш.⁴⁰ По словам Абдуллолика Холики и Набиджона Рахимова,⁴¹ латентный конфликт в районе Исфара-Баткен, унаследованный от советского прошлого, все еще пре-

³⁶ «Участок в 0,78 соток на трассе Кок-Таш-Аксай-Тамдык, который оспаривал Таджикистан, принадлежит Кыргызстану – А.Маматалиев», *КурТАГ – Кыргыз-Кабар*, 12 мая 2014, <http://old.kabar.kg/rus/society/full/79246>; «Строительство автодороги «Кок-Таш-Ак-Сай-Тамдык» будет доведено до конца», *K-News*, 12 января 2014, <http://knews.kg/2014/01/stroitelstvo-avtdorogi-kok-tash-ak-say-tamdyk-budet-dovedeno-do-kontsa/>.

³⁷ «Кто первым открыл огонь на таджикско-кыргызской границе?»; Timur Toktonaliev, Lola Olimova, and Nazarali Pirnazarov, “Kyrgyz-Tajik Row After Border Clash” (Institute for War and Peace Reporting, 15 January 2014), <https://iwpr.net/global-voices/kyrgyz-tajik-row-after-border-clash>.

³⁸ «Кыргызстан-Таджикистан: чего ждать от переговоров?», *Радио Азаттык*, 13 января 2014, <http://rus.azattyk.org/a/25228797.html>.

³⁹ «ГПС сообщает подробности инцидента на кыргызско-таджикском участке границы в Баткенском районе (схема)», *Turmush*, 8 мая 2014, www.turmush.kg/ru/news:57661; «Замглавы МВД К. Асанов посетил жителей сел Баткенского района, где во время приграничного инцидента были сожжены ряд объектов», *Turmush*, 15 мая 2014, <http://www.turmush.kg/ru/news:58559>; Mark Vinson, “Border Clashes With Kyrgyzstan Threaten Tajikistan’s Regional Integration,” *Eurasia Daily Monitor* 11, no. 94 (20 May 2014), <https://jamestown.org/program/border-clashes-with-kyrgyzstan-threaten-tajikistans-regional-integration/>.

⁴⁰ Бакыт Толканов, «Обе стороны конфликта на кыргызско-таджикской границе — о чем говорят», *Sputnik Кыргызстан*, 23 января 2017, <https://ru.sputnik.kg/analytics/20170123/1031403221/chto-proizoshlo-na-granice-kyrgyzstana-i-tadzhikistana.html>.

⁴¹ Kholiqi and Rahimov, “Disputable Territories as Hotbeds of Tension on the Border.”

следует современные Кыргызстан и Таджикистан, мешая экономическому культурному сотрудничеству, усложняя межгосударственные отношения и унося жизни гражданского населения.

Причины конфликта

Как было сказано выше, с конца 1990-х агентства помощи стали развивать широкую деятельность, направленную на предотвращение конфликтов в Ферганской долине, придерживаясь к принципам «либерального мира». Большинство из них считало конфликт результатом спорных границ, недостаточных природных ресурсов, экономической недоразвитости и неудовлетворенных человеческих потребностей. Более детальное рассмотрение напряженности в районе Баткен-Исфара показало, что обострение отношений в регионе так же связано с советским прошлым и с отсутствием рационально обоснованных рекомендаций в отношении политики, в дополнение к неэффективному использованию природных ресурсов и милитаризации границ.

Советское наследие

Хотя современные Кыргызстан и Таджикистан стали свидетелями увеличения числа конфликтных ситуаций на своих границах, такие тенденции развития конфликтов не являются чем-то характерным исключительно для периода их независимости. В советском периоде этот регион тоже сталкивался с рядом эскалаций конфликта, несмотря на преобладающее мнение, что территориальные конфликты в Центральной Азии являются по сути постсоветским явлением.

В 1924 году, после первоначального советского национально-территориального деления, Кыргызская Автономная Советская Социалистическая Республика (АССР) потребовала от центрального советского правительства, чтобы административные единицы Исфара и Сох были приписаны к Кыргызской АССР.⁴² Опираясь на оценку межреспубликанских комиссий, центральное правительство отказало в ходатайстве Кыргызской АССР и решило, что Исфара и Сох остаются в юрисдикции Узбекской Советской Социалистической Республики (ССР).⁴³ Хотя союзное правительство заявило, что национально-территориальное деление Ферганской долины «окончательно улажено», как Кыргызская АССР, так и Узбекская ССР оспаривали это окончательное решение.

В результате этого, территориальные споры в регионе были приостановлены, хотя в ряде случаев административные границы не были четко опре-

⁴² Arslan Koichiev, "Ethno-Territorial Claims in the Ferghana Valley During the Process of National Delimitation, 1924-7," in *Central Asia: Aspects of Transition*, ed. Tom Everett-Heath (London: Routledge Curzon, 2003), 45-46; Bichsel, *Conflict Transformation in Central Asia*.

⁴³ Таджикская АССР была автономной республикой в рамках Узбекской ССР.

делены.⁴⁴ Тем не менее, время от времени в районах Баткен и Исфара возникали конфликты с применением насилия по поводу земельных участков.⁴⁵ Например, в 1936 году, конфликт с применением насилия между киргизами-кочевниками и оседлыми таджиками по поводу зимовья в области Ворух привел к гибели нескольких человек и множеству пострадавшим с ранениями.

В конце 1960-х, земледельческое хозяйство в районе Исфара начало расширяться за счет пастбищ совхоза в районе Баткен. Хотя союзное Министерство сельского хозяйства разрешило колхозу в Исфара использовать данную землю в качестве пастбищ, из-за быстрого роста населения колхоз в Исфара решил построить на этой земле канал, чтобы расширить орошаемые площади за пределы обрабатываемой до сих пор земли.⁴⁶ Рассерженные киргизские крестьяне обращались в разные инстанции, в том числе отправили прошение к союзному правительству.⁴⁷ Не получив соответствующего ответа от властей, киргизские крестьяне решили сами разрешить это дело, что привело к столкновениям с применением насилия между киргизскими и таджикскими крестьянами в 1969, 1970 и 1975.

После напряженности в 1975 году, межреспубликанская комиссия решила разделить оспариваемую землю между двумя колхозами и переселить киргизских крестьян в новосозданное село Ак-Саи.⁴⁸ Комиссия так же обязала колхоз в Исфара обеспечивать колхоз в Баткене водой в периоды полива. Однако, эта рекомендация была невыполнимой, поскольку воды в канале Механотобод-Ак-Саи едва хватало на нужды общины Ворух.⁴⁹ В результате всего этого, под давлением рассерженных киргизских крестьян, Кыргызская АССР решила построить свою собственную насосную станцию, чтобы удовлетворить потребности села Ак-Саи.

В 1989, спор о земельном участке между деревнями Уч-Додо и Ходжаи Ало перерос в насильственный конфликт с участием крестьян из Воруха и Ак-Саи.⁵⁰ По имеющимся сведениям, таджикские крестьяне попытались расширить свои обрабатываемые земли в сторону киргизских пастбищ, но встретив сопротивление со стороны киргизских крестьян, перекрыли канал

⁴⁴ Koichiev, "Ethno-Territorial Claims in the Ferghana Valley."

⁴⁵ Bichsel, *Conflict Transformation in Central Asia*.

⁴⁶ Bichsel, *Conflict Transformation in Central Asia*.

⁴⁷ Bichsel, *Conflict Transformation in Central Asia*.

⁴⁸ Bichsel, *Conflict Transformation in Central Asia*; Jamoat Resource Centre of Vorukh, "Potential for Peace and Threats of Conflict: Development Analysis of Cross-border Communities in Isfara District of the Republic of Tajikistan and Batken District of the Kyrgyz Republic" (2011).

⁴⁹ Bichsel, *Conflict Transformation in Central Asia*.

⁵⁰ Bichsel, *Conflict Transformation in Central Asia*; Jamoat Resource Centre of Vorukh, "Potential for Peace and Threats of Conflict"; Тохир Сафар, «Весна – горячая пора для таджикско-кыргызских отношений?», *Radio Free Europe*, 24 марта 2011, http://www.ozodi.org/a/chorkuh_isfara_kyrgyzstan/2348352.html.

Ак-Татыр, который обеспечивал водой находящихся ниже по течению деревни. Кыргызские крестьяне попытались силой открыть канал, чему в свою очередь оказали сопротивление с применением насилия таджикские крестьяне. Насилие между крестьянами было прекращено только после вмешательства советских военных.⁵¹

Краткий обзор конфликтов в районе Баткен-Исфара в советский период показывает, что конфликтная динамика в этой части Ферганской долины не появилась как новое явление в период строительства постсоветского государства и что конфликты были зарегистрированы еще 1930-х годах. Характер этих конфликтов показывает, что союзное правительство однозначно оказывало предпочтение оседлому образу жизни и сельскохозяйственным способам производства перед отгонным способом животноводства, что в свою очередь является причиной большинства конфликтов в районе Баткен-Исфара.⁵² Пытаясь обеспечить Советам самодостаточность, Москва направляла усилия на увеличение обрабатываемой земли для растениеводства за счет пастбищ. Советские проекты модернизации не только оказывали влияние на кочевое и полукочевое население и сложившийся давно образ жизни в Центральной Азии, но и вымостили путь к таким экологическим катастрофам, как высыхание Аральского моря. В свою очередь, неспособность союзного правительства справляться с нежелательными последствиями своей политики превратила район Баткен-Исфара в территорию соперничества, которое разделяло оседлых таджиков от кочующих киргизов.

Неэффективное использование природных ресурсов

Многие наблюдатели подчеркивают, что настоящие причины конфликта, который раскалывает общество Баткена и Исфары по этническим линиям, лежат в недостаточности природных ресурсов. В частности, в качестве одной из причин конфликта воспринимается проблема с водой. Есть множество публикаций, однако, в которых утверждается, что причинно-следственную связь между водой и конфликтом трудно доказать.⁵³ Наоборот, даже если конфликт уже возник по другим причинам, общие интересы в плане водоканалов систематически перевешивают над другими конфликтными проблемами, а кооперативный режим использования воды оказывается очень устойчивым во времени.⁵⁴

Тем не менее, существует постоянно повторяющийся дискурс, что напряженность на участке границы Баткен-Исфара напрямую связана с нехваткой

⁵¹ Bichsel, *Conflict Transformation in Central Asia*.

⁵² Bichsel, *Conflict Transformation in Central Asia*.

⁵³ William Mitchell, "The Hydraulic Hypothesis: A Reappraisal," *Current Anthropology* 14, no. 5 (December 1973): 532-534; Hans P. W. Tose, Nils P. Gleditsch, and Håvard Hegre, "Shared Rivers and Interstate Conflict," *Political Geography* 19, no. 8 (2000): 971-96.

⁵⁴ Aaron T. Wolf, "Conflict and Cooperation along International Waterways," *Water Policy* 1, no. 2 (1998): 251-65.

воды, хотя такое утверждение не выдерживает более детального рассмотрения. Согласно данным АКВАСТАТ Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ПСХО), количество воды в возобновляемых водных ресурсах на душу населения в Кыргызстане (4 336.00 м³) и Таджикистане (3 095.00 м³) больше, чем в Китае (2 051.00 м³), Чешской Республике (1 245.00 м³), Испании (2 384.00 м³), Франции (3 325.00 м³) и Германии (1 878.00 м³). Различие между потреблением питьевой воды и воды для полива, как процент от общих возобновляемых ресурсов воды для Кыргызстана и Таджикистана, является большим, но не критическим. В своем исследовании Асел Мурзакулова и Ирене Местре⁵⁵ применили к Кыргызстану и Таджикистану критерий Фалькенмарка, который принимает пороговое значение в 1 700 м³ на душу населения за год для определения того, имеются ли для населения трудности с водоснабжением. Соответственно, обе страны не попадают в категорию государств с напряженным водоснабжением. Бичсел⁵⁶ идет даже дальше и утверждает, что все представление о дефиците является относительной концепцией, обусловленной социальными отношениями, политическими интересами и моральными принципами, которые определяют доступ к ресурсам, контроль над ними и борьбу за природные ресурсы, а потому ее нельзя отделять от конкретного политического, исторического и культурного контекста.

Другими словами, нехватка воды в Центральной Азии обуславливается ее использованием, а не реальным количеством водных ресурсов. Как было уже упомянуто, политика правительства Советского Союза отдавала предпочтение оседлому образу жизни и растениеводству; однако, водными ресурсами не управляли эффективно и в советское время, поскольку оросительные каналы были в плохом состоянии и до 1990 года. В период независимости состояние водной инфраструктуры продолжало ухудшаться, поскольку бюджеты обеих государств и сельских хозяйств существенно уменьшились.⁵⁷ Комплексные системы гидромелиоративной инфраструктуры предполагали сотрудничество между государствами Центральной Азии, особенно между теми, кто находятся вверх и вниз по течению. Однако, на смену единой позиции СССР давно пришли расходящиеся экономические интересы и системы безопасности, соответствующие различающимся стратегическим взглядам руководств среднеазиатских государств.

В результате этого, нынешняя водная инфраструктура на киргизско-таджикской границе находится в невосстановимом состоянии. Оросительные каналы либо засорены илом, либо повреждены, насосы в нерабочем состоянии или не работают на полную мощность и все это увеличивает потери

⁵⁵ Murzakulova and Mestre, *Natural Resource Management Dynamics in Border Communities of Kyrgyzstan and Tajikistan*.

⁵⁶ Bichsel, *Conflict Transformation in Central Asia*.

⁵⁷ Lisa Marie Izquierdo, Mari Stangerhaugen, Diana Castillo, Robert Nixon, and Gloria Jimenez, *Water Crisis in Central Asia: Key Challenges and Opportunities* (New York: New School University, December 2010).

воды. Поскольку гидромелиоративная структура является трансграничной по своему характеру, нет специального органа, отвечающего за ее восстановление и поддержку, поскольку ни Кыргызстан, ни Таджикистан хотя бы вкладывать деньги в водные системы вне своих национальных границ.

Соответственно, напряженность в приграничных районах Баткен и Исфара увеличивается когда начинается поливной сезон. Общие ожидания часто не соответствуют реальности как на межгосударственном, так и на местном уровне. Хотя этот район не подвержен нехватке воды, пользователи вниз по течению часто бывают лишены воды, тогда как те, кто находятся вверх по течению часто злоупотребляют забором воды. В свою очередь, потребители вниз по течению пытаются облегчить это неравноправное устройство путем переговоров, протестов, созданием препятствий и саботажа, что усугубляет дилемму безопасности и увеличивает напряженность.

Милитаризация границ

В начале августа 2015 года, узкая полоса, разделяющая Кыргызстан и Таджикистан, стала зоной конфликта между гражданами этих стран. По разным источникам до 200 человек с каждой стороны принимали участие в этом двухдневном инциденте с бросанием камней.⁵⁸ Согласно докладу кыргызской стороны, таджикские граждане перекрыли дорогу к кладбищу, используемому кыргызскими крестьянами из деревни Кок-Таш и таджикскими жителями деревни Сомониен. В ответ жители Кок-Таша перекрыли канал для водоснабжения Сомониен. Согласно докладу таджикской стороны, события произошли в обратном порядке. Хотя социальный порядок в этих деревнях был восстановлен незамедлительно, такие инциденты показывают как незначительные нарушения неписаных правил в потенциале могут разжечь серьезные конфликты с применением насилия.⁵⁹

Большинство наблюдателей указывают на демаркацию границы в качестве решения, которое может легко снизить напряженность на кыргызско-таджикской границе. Действительно, более 25 лет Таджикистан и Кыргызстан не могут договориться о делимитации и демаркации границы. Карта Ферганской долины полна спорными и проницаемыми границами и территориальными единицами, известные как «анклавы», которые отделены от основной территории страны землей другой страны. По-видимому, такое разделение усугубляет существующие споры о воде и земле и подпитывает

⁵⁸ Peter Leonard, "Tajikistan & Kyrgyzstan: Interethnic Clash Shines Light on Fraying Social Fabric," *Eurasianet*, August 11, 2015, <http://www.eurasianet.org/node/74631>; «Конфликт между гражданами Кыргызстана и Таджикистана в селе Кок-Таш», *Sputnik Кыргызстан*, 4 августа 2015, <https://ru.sputnik.kg/infographics/20150804/1017166313.html>; Мария Зозуля, «На границе Баткенской области и Таджикистана произошел конфликт», *Вечерний Бишкек*, 3 августа 2015, http://www.vb.kg/doc/321945_na_granice_batkenskoy_oblasti_i_tadjikistana_proizoshel_konflikt.html.

⁵⁹ Leonard, "Tajikistan & Kyrgyzstan."

дальнейшую экономическую неопределенность и межэтническую враждебность.

Как было уже сказано, вскоре после коллапса СССР, Ферганская долина стала предметом дискурса, в котором она представлялась как неустойчивый и подверженный кризисам регион, характеризующимся сектантским насилием. Эти утверждения основывались на формальной идее, что концепция территориальной двойственности является метонимом для латентного конфликта и угрозы единому гражданству.⁶⁰ Вследствие этого, эти дискурсы определяли Центральную Азию как регион для интервенций, призывая международное сообщество войти в регион для снижения конфликтного потенциала и обеспечения мирного развития. Однако, очень часто такие инвестиции не преобразовывались в спокойные и мирные границы.⁶¹

Одной из самых неправильных концепций национальных и международных обозревателей было представление о том, что более строгий пограничный контроль позволит снизить конфликтный потенциал региона. Тогда как укрепление пограничных служб и пограничной инфраструктуры может быть необходимым условием для современного национального государства, укрепление еще не согласованных участков границы может оказаться проблематичным шагом. Как подчеркивает Бичсел,⁶² в случае района Баткен-Исфара, пограничные столбы и контрольно-пропускные пункты только усугубили существующую напряженность. Этот район, в котором разные этнические группы сосуществовали в сети взаимозависимых сообществах, требовал более чувствительного и человеческого подхода. Как подчеркивает Мадлен Рийвс,⁶³ наложение государственной территориальности в Ферганской долине часто режет по живому через родство, веру, дружбу, работу и торговлю.

Вместо того, чтобы улучшать ситуацию, колючая проволока, проверка паспортов и обходные дороги наносят ущерб существующему микрокосмосу.⁶⁴ Этот феномен объясняет почему, к примеру, обходная дорога, известная среди местных как «Кыргызская дорога», стала причиной раздора между кыргызской и таджикской деревнями. Применение государственной территориальности исключила таджикские общности от использования раньше общих пространств. В результате обиженные молодые таджики начали швырять камни в проезжающие машины, что в свою очередь привело к ответным мерам со стороны водителей и к эскалации ситуации.

⁶⁰ Reeves, "Locating Danger."

⁶¹ D.T., "Enclaves in Central Asia: The Post-imperial Chessboard," *The Economist*, April 1, 2014, www.economist.com/banyan/2014/04/02/the-post-imperial-chessboard.

⁶² Bichsel, *Conflict Transformation in Central Asia*.

⁶³ Madeleine Reeves, *Border Work: Spatial Lives of the State in Rural Central Asia* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 2014).

⁶⁴ Reeves, *Border Work*.

Анна Матвеева⁶⁵ нашла, что границы являются местом, где сообщества проецируют свои страхи друг на друга, страх попасть в окружение, в плен, потерять территорию, активы и ресурсы. В некотором смысле, страх становится катализатором формирования идентичности в трансграничных сообществах: он закрепляет восприятия коллективной небезопасности даже в периоды затишья и способствует появлению сильных пограничных этнических идентичностей, усиленные новыми националистическими идеологиями и ассоциациями типа «мы против них».⁶⁶ В свою очередь, даже мелкие споры в Средней Азии могут приобрести характер этнической поляризации.⁶⁷

Это говорит о том, что непроницаемые границы обостряют конфликт в районе Баткен-Исфара, а заикленность на обеспечение безопасности через милитаризацию границы изменяет характер отношений в регионе. Строгий пограничный режим часто способствует нестабильности, а не укреплению хрупкого мира, затрудняя трансграничное передвижение через невидимые границы, которое давно организовывалось в соответствие с установленными правилами, традициями и историей. В советские времена, границы, которые сейчас разделяют современные Кыргызстан и Таджикистан, разделяли эти две советские социалистические республики только административно. Соответственно, правила и положения, которые определяли трансграничные отношения этих двух советских республик были не такими строгими, как правила и положения применяемые к соседям СССР. Однако, эта практика изменилась в начале 1990-х, поскольку административные границы, которые разделяли сообщества Баткена и Исфары вдруг превратились в международные границы, отделяющие «нас» от «них».

По этой причине, более строгий пограничный режим в Средней Азии не обязательно олицетворяет более мирную социальную ткань отношений. Участие пограничников и использование военного оборудования скорее всего приведет к обострению конфликта до совершенно нового уровня – до степени, когда даже, возможно, придется пересмотреть правдоподобие уже упомянутых «катастрофических» писаний. Как показал конфликт под Ворухом в мае 2014 года, это уже не «кетменные войны», поскольку участие принимают регулярные военные подразделения, используется тяжелое вооружение и имеет место обмен протестными дипломатическими нотами. Как подчеркивают Джереми Слак и его соавторы, для многих политиков «безопасное» означает «милитаризованное», что не верно для людей живущих на границе.⁶⁸ Например, придирка со стороны пограничных и им-

⁶⁵ Anna Matveeva, "Divided we fall ... or rise? Tajikistan–Kyrgyzstan border dilemma," *Cambridge Journal of Eurasian Studies* 1 (2017): 1-20.

⁶⁶ Matveeva, "Divided we fall ... or rise?"

⁶⁷ Matveeva, "Divided we fall ... or rise?"

⁶⁸ Jeremy Slack, Daniel E. Martinez, Alison Elizabeth Lee, and Scott Whiteford, "The Geography of Border Militarization: Violence, Death and Health in Mexico and the United States," *Journal of Latin American Geography* 15, no. 1 (March 2016): 7-32.

миграционных органов часто противоречит и нарушает саму идею о «человеческой безопасности».⁶⁹

Соответственно, не спорные и проницаемые границы поддерживают конфликт в районе Баткен-Исфара, а скорее «секьюритизация» пограничных отношений усугубляет существующие споры и подпитывает дальнейшую нестабильность и враждебность. Вместо того, чтобы уменьшать число «кетменных битв», милитаризация границ обостряет трения, мешая дальнейшему прогрессу мирного разрешения местных споров.

Отсутствие основанных на фактических данных рекомендаций

Неэффективное использование природных ресурсов или милитаризация границ очень часто проистекают от отсутствия основанного на фактических данных принятия решений в регионе. Хотя основанная на фактических данных политика преобладает в развитом мире, государствам Центральной Азии все еще предстоит. Такой подход предполагает использование систематического сбора данных для постоянного усовершенствования принятия политических решений. Политика, основанная на качественных исследованиях и прикладном анализе, дает более качественные варианты политики, уменьшает бедность, стимулирует экономический рост и улучшает качество жизни.

Однако, институциональный потенциал для ведения регулярной и в интересах политики исследовательской работы в этом регионе является слабым. Одним из главных факторов, способствующих широко распространенному разрыву между потенциалом публичной администрации и прикладными исследованиями, является целостное отсутствие вложений в возможности для профессионального развития государственных служащих и исследователей. Крах СССР и последовавший упадок его образовательных институтов наряду с отсутствием национального финансирования качественных исследований разрушили способность государств Центральной Азии вести основанный на фактических данных анализ. Кроме того, интерес международного академического сообщества к Центральной Азии (по сравнению с началом 1990-х) так же существенно снизился.

В результате этого, поскольку у правительств, международных доноров и акторов гражданского общества часто нет доступа к достаточно хорошо обеспеченным возможностям предоставления информации для здоровых политических дебатов и принятия здоровых решений, некоторые политические выборы оказываются не связанными с действительным контекстом на месте, не занимают основными причинами проблем и, в худшем случае, еще более усугубляют ситуацию.

⁶⁹ Mary Kaldor, Mary Martin, and Sabine Selchow, "Human Security: A New Strategic Narrative for Europe," *International Affairs* 83, no. 2 (March 2007): 273-88; Slack, Martinez, Lee, and Whiteford, "The Geography of Border Militarization."

Например, Мурзакулова и Местре⁷⁰ рассказывают, что из-за реформирования публичной администрации пастбищ в Кыргызстане и Таджикистане управляются такими разными институциями с разными интересами и приоритетами, как союзы пользователей выгонов, администрации лесного хозяйства, коллективные и индивидуальные фермы. Такая фрагментация усложняет процесс эффективного менеджмента пастбищ. Законодательство, введенное для смягчения деградации пастбищ, однако, не способствует снижению конфликтного потенциала в районе Баткен-Исфара. Наоборот, таджикские общины часто дают взятки, чтобы нелегально пасти своих животных, что не только увеличивает число потенциальных точек конфликта между таджикскими крестьянами и кыргызскими пограничниками, но и вызывает недовольство кыргызских общин.⁷¹

Кроме того, незарегистрированные животные кыргызских крестьян, которые используют те же выгоны, что и таджикские жители деревень, увеличивает нагрузку на землю и приводит к ускоренной деградации пастбищ, что в будущем может привести к новым конфликтам из-за доступа к земле. Ресурсный центр джамоата Ворух⁷² информирует, что время от времени таджикским пастухам, которым нужно пройти через кыргызскую территорию, чтобы добраться до таджикских пастбищ, не проходят через «экологические контрольно-пропускные пункты» и становятся объектами вымогательства денег со стороны пограничников, полиции и даже молодежных банд. В качестве решения, таджикские крестьяне часто нанимают кыргызских пастухов для облегчения транзита. Однако, потенциальные потери таджикского домашнего скота опять же приводит к разбирательствам так, как обычно письменных договоров между таджикскими собственниками скота и кыргызскими пастухами не существует.

Соответственно, основанная на фактических данных политика располагает потенциалом для улучшения качества жизни в районе Баткен-Исфара. Основанная на фактических данных политика касается процесса формирования политики. Этот процесс должен быть рациональным, жестким и основанным на лучшие из наличных, связанными с контекстом и фактических данных. Действительно, создание эффективных, результативных и подотчетных институций на национальном и субнациональном уровне было определено Объединенными Нациями в качестве одной из важнейших целей в рамках Программы устойчивого развития 2030. Такой информированный подход может не только снизить трансграничную напряженность, но и способствовать разрешению широкого круга структурных проблем, характерных для этого региона.

⁷⁰ Murzakulova and Mestre, *Natural Resource Management Dynamics in Border Communities of Kyrgyzstan and Tajikistan*.

⁷¹ Jamoat Resource Center of Vorukh, "Potential for Peace and Threats of Conflict: Development Analysis of Cross-border Communities in Isfara District of the Republic of Tajikistan and Batken District of the Kyrgyz Republic" (2011).

⁷² Jamoat Resource Centre of Vorukh, "Potential for Peace and Threats of Conflict."

Угрозы радикального исламизма

Существует популярный дискурс как внутреннего для региона, так и для внешнего потребления, согласно которому по всей Центральной Азии быстро осуществляется радикализация мусульман. Широко распространенным является представление, что этот регион дает убежище насильственному религиозному экстремизму. Недавно, Международная кризисная группа (МКГ)⁷³ сообщила, что Исламское государство (ИГ) привлекает коалицию джихадистов и сторонников из Центральной Азии и создает сеть связей в рамках региона и прилегающих областях, включая Кавказ и Синьцзян. Насильственные экстремистские группировки набирают силу, а правительства стран Центральной Азии используют эти угрозы для поддержки своей политической повестки дня и для урезания гражданских свобод.

МКГ пришла к заключению,⁷⁴ что среда в Кыргызстане и Таджикистане благоприятствует радикальным группировкам, использующие насилие, которые создают свои опорные пункты. Бедность, этническое разделение, слабость государства и вездесущая коррупция, среди прочего, толкают некоторых экономически и социально маргинализированных кыргызов, таджиков и узбеков к более радикальному и спонсируемому извне исламу. По мнению корреспондентов МКГ, Хизб ут-Тахрир уже имеет тысячи членов в Кыргызстане, которые связаны с Исламским движением Узбекистана (ИДУ) и ИГ.

Конечно, на первый взгляд может показаться, что использование такого дискурса для региона Баткен-Исфара может быть весьма оправданным. В 1999 и 2000 в южную часть Кыргызстана вторглись вооруженные панисламистские экстремисты ИДУ под командованием Джума Намангани. Несколько сотен боевиков посеяли хаос в Баткенском районе, терроризируя жителей и беря заложников, в том числе высокопоставленных кыргызских госслужащих и японских геологов. В ходе сражений с вооруженными экстремистами в 1999 и 2000 с кыргызской стороны погибло около 60 человек. Хотя с тех пор такие вторжения больше не имели место в Кыргызстане, МКГ предупреждает, что ИДУ располагает спящими ячейками в южном Кыргыз-

⁷³ International Crisis Group, "Syria Calling: Radicalisation in Central Asia," *Europe and Central Asia Briefing* no. 72 (Bishkek/Brussels: Crisis Group, 20 January 2015), по состоянию на 18 мая 2018, <https://www.crisisgroup.org/europe-central-asia/central-asia/syria-calling-radicalisation-central-asia>.

⁷⁴ International Crisis Group, "Kyrgyzstan: State Fragility and Radicalization," *Europe and Central Asia Briefing* no. 83 (Osh/Bishkek/Brussels: Crisis Group, 3 October 2016), по состоянию на 18 мая 2018, <https://www.crisisgroup.org/europe-central-asia/central-asia/kyrgyzstan/kyrgyzstan-state-fragility-and-radicalisation>; International Crisis Group, "Tajikistan Early Warning: Internal Pressures, External Threats," *Europe and Central Asia Briefing* no. 78 (Bishkek/Brussels: Crisis Group, 11 January 2016), по состоянию на 18 мая 2018, <https://www.crisisgroup.org/europe-central-asia/central-asia/tajikistan/tajikistan-early-warning-internal-pressures-external-threats>.

стане, а некоторые из его членов появились в качестве вербовщиков людей из Центральной Азии для Сирии.⁷⁵

Несмотря на пугающие прогнозы, что регион катится в пропасть радикального исламизма, в настоящее время имеется мало свидетельств в поддержку идеи, что в Центральную Азию систематически проникают насильственные исламские экстремистские организации.⁷⁶ Джон Хидершоу и Дэвид Монтгомери⁷⁷ считают, что угроза насильственного экстремизма в регионе имеет как меньший размах, так и другую форму, чем угроза представляемая в публичных дискурсах. Она имеет изолированный, местный характер, она ослаблена секуляризацией в той степени, в какой она движется радикализацией. В периоде между 2001 и 2013 имели место только три нападения в Центральной Азии, ответственность за которые взяли на себя насильственные исламские группировки (с общим числом погибших 11), а из 51 организаций в списке иностранных террористических организаций Госдепартамента США только две – ИДУ и Союз исламского джихада – имеют связи с Центральной Азией.

В открытом письме к МКГ, касающемся ее сообщения об исламской радикализации Центральной Азии, исследователи подчеркнули, что «показные и методически слабые выводы» МКГ могут привести к серии неправильных предположений, проблем и решений в чувствительной политической среде Центральной Азии.⁷⁸ Подписавшие это письмо подчеркивали, что нет никакой связи между бедностью и низким уровнем образования и желанием присоединиться к насильственным экстремистским группировкам так же, как рост нетрадиционных религиозных групп не является индикатором роста насильственного экстремизма. Теоретики отметили, что такие неподкрепленные фактами утверждения, наряду с отсутствием надежной методологии, заставляют людей, определяющих политику и принимающих решения в правительстве и в международных организациях, верить в существование непосредственной угрозы безопасности со стороны ислама и изобретать скорые ответы в виде политики безопасности в отношении религии.

МКГ ответила сразу, приветствуя обмен взглядов и идей для лучшего понимания конкретных и множественных факторов, которые могут приводить к радикализации. Само существование таких противоположных подходов к пониманию исламской радикализации в Центральной Азии показывает, что эта интересующая всех тема является исключительно противоречивой. Нет

⁷⁵ International Crisis Group, “Kyrgyzstan: State Fragility and Radicalization.”

⁷⁶ John Heathershaw and David Montgomery, “The Myth of Post-Soviet Muslim Radicalization in the Central Asian Republics,” Research Paper (London: Chatham House/The Royal Institute of International Affairs, 11 November 2014).

⁷⁷ Heathershaw and Montgomery, “The Myth of Post-Soviet Muslim Radicalization.”

⁷⁸ An open letter from Central Asia scholars to the International Crisis Group, “Understanding Islamic Radicalization in Central Asia,” 2017, <http://thediplomat.com/2017/01/understanding-islamic-radicalization-in-central-asia>.

даже общего мнения сколько жителей Центральной Азии уехали в Сирию и Ирак, чтобы присоединиться к ИГИС. По сведениям Польского института международных дел, Центральная Азия посылает гораздо меньше боевиков в Ирак и Сирию, чем страны Европы, Ближнего Востока и Северной Африки.⁷⁹ Если рассматривать каждое государство по отдельности, иностранными боевиками в Сирии стали 1 из 14 400 туркмен, 1 из 40 000 таджиков, 1 из 56 000 кыргызов, 1 из 58 000 узбеков, и 1 из 72 000 казахов.⁸⁰

Польский институт международных дел сообщает, что в некоторых странах Ближнего Востока и Северной Африки эти числа являются гораздо более ошеломляющими. К примеру, 1 из 6 500 в Ливане, 1 из 5 300 в Иордании, 1 из 7 300 в Тунисе, 1 из 18 200 в Саудовской Аравии, и 1 из 22 000 в Марокко вошли в ряды иностранных боевиков в Сирии и Ираке. В Европе, 1 из 11 700 в Боснии и Герцеговине, 1 из 23 800 в Бельгии, и 1 из 55 200 во Франции отправились воевать за исламистских радикалов в Сирию и Ирак.⁸¹

И все-таки, несмотря на категорические утверждения Польского института международных дел, диапазон оценок действительной численности рекрутов из Центральной Азии варьирует существенно. Индира Джолдубаева, генеральный прокурор Кыргызской Республики, сообщает, что около 500 кыргызских граждан воюют в Сирии и еще 500 связанных с террористическими организациями были выявлены кыргызскими секретными службами.⁸² Государственный комитет национальной безопасности Кыргызской Республики так же подтвердил, что около 400 кыргызстанцев находятся в Сирии, еще 60 вернулись в Кыргызстан и были привлечены к ответственности и 51 были убиты в Сирии.⁸³ В Таджикистане, по оценкам официальных докладов, до 700 таджикских граждан присоединились к ИГИС в Сирии.⁸⁴ Министерство внутренних дел Таджикистана заявило, что по его информации 1 100 граждан Таджикистана воюет за ИГИС в Сирии и Ираке.⁸⁵

Однако, относительно низкий интерес среди жителей Центральной Азии к радикальным исламским организациям не делает эту проблему неактуальной. Недавние террористические нападения в торговом центре Сток-

⁷⁹ Anna Dyer, Arkadiusz Legieć, and Kacper Rękawek, "Ready to Go? ISIS and Its Presumed Expansion into Central Asia," *Policy Paper* no. 19(121) (Warsaw: The Polish Institute of International Affairs, June 2015), www.pism.pl/files/?id_plik=20020.

⁸⁰ Dyer, Legieć, and Rękawek, "Ready to Go?"

⁸¹ Dyer, Legieć, and Rękawek, "Ready to Go?"

⁸² Екатерина Иващенко, «Кыргызстан: Кто уезжает воевать в Сирию», *Информационное агентство Фергана*, 20 ноября 2015, <http://www.fergananews.com/articles/8774>.

⁸³ Иващенко, «Кыргызстан: Кто уезжает воевать в Сирию».

⁸⁴ Зинаида Бурская, «Таджикистан, Россия, далее ИГИЛ», *Настоящее время*, 22 декабря 2015, <http://www.currenttime.tv/a/27442533.html>.

⁸⁵ Сайрахмон Назриев, «Глава Хатлона обеспокоен большим количеством бохтарцев в Сирии», *Asia-Plus*, 21 января 2017, <https://news.tj/ru/news/tajikistan/security/20170121/glava-hatlona-obespokoen-bolshim-kolichestvo-bohtartsev-v-sirii>.

гольма, в ночном клубе «Реина» в Стамбуле и в станции метро в Санкт-Петербурге снова поставили жителей Средней Азии в свет прожекторов⁸⁶ и, хотя невозможно объективно оценить угрозы со стороны насильственных экстремистских организаций Кыргызстану или Таджикистану, существующие свидетельства, как бы они не были скудными, показывают, что жители Центральной Азии подвергаются радикализации и присоединяются к вооруженным группировкам в Сирии и Ираке. Составляя профиль таджикских боевиков в Сирии и Ираке, Эдуард Лемон утверждает, что большинство этих боевиков были завербованы в России и переправлены через Турцию в Сирию.⁸⁷ Однако, нет единого основного профиля тех, кто отправился в Сирию: некоторые боевики получили формальное религиозное образование; некоторые имели низкооплачиваемую работу; некоторые были хорошо образованы.⁸⁸ Между тем, в Сирию и в Ирак отправлялись как мужчины, так и женщины. Иными словами, разнообразие биографий радикализованных жителей Центральной Азии показывает, что объяснение причин радикализации единственным линейным способом является ограничивающим и даже вводящим в заблуждение.

Следовательно, было бы слишком упрощенным предполагать, что жители районов Исфара и Баткен особенно склонны к радикализации. Скудные природные ресурсы, экономическая недоразвитость, спорные границы и неудовлетворенные человеческие потребности не превращаются автоматически в религиозный экстремизм. И все-таки, Центральная Азия остается одним из наиболее неустойчивых и уязвимых регионов со слабыми политическими институтами и плохими экономическими показателями. Отсутствие религиозных знаний, социальная изоляция и привлекательность анти-секулярных политических идей могут вдохновить жителей Центральной Азии на участие в экстремистские организации. Как утверждали исследователи из Центральной Азии в своем письме к МКГ от 2017 года,⁸⁹ факторы, ко-

⁸⁶ Nick Bailey, "St. Petersburg Subway Bomb: 5 Things to Know About Central Asia," *NBC News*, April 4, 2017, <http://www.nbcnews.com/news/world/st-petersburg-subway-bomb-5-things-know-about-central-asia-n742436>; "Turkey nightclub attack: IS says it carried out shooting," *BBC News*, January 2, 2017, <http://www.bbc.com/news/world-europe-38487509>; David Gauthier-Villars and Drew Hinshaw, "Stockholm Attack Puts Focus on Terrorists from Central Asia," *The Wall Street Journal*, April 9, 2017, www.wsj.com/articles/stockholm-attack-puts-focus-on-terrorists-from-central-asia-1491764083; Per Nyberg and James Masters, "Sweden Terror Suspect 'Confesses' to Stockholm Attack," *CNN*, April 11, 2017, по состоянию на 19 мая 2018, <http://edition.cnn.com/2017/04/11/europe/stockholm-terror-attack-rakhmat-akilov/>.

⁸⁷ Edward Lemon, *Governing Islam and Security in Tajikistan and Beyond: The Emergence of Transnational Authoritarian Security Governance*, PhD dissertation (Exeter, United Kingdom: University of Exeter, 2016).

⁸⁸ Lemon, "Governing Islam and Security in Tajikistan and Beyond."

⁸⁹ An open letter from Central Asia scholars to the International Crisis Group, "Understanding Islamic Radicalization in Central Asia."

торые приводят к мусульманской радикализации являются конкретными, их много и они в большинстве своем не связаны с религией. Поэтому, для понимания данного явления и его связанности с такими регионами, как Баткен и Исфара, необходим более нюансированный и методически более строгий подход.

Заключение

Несмотря на преобладание работ по конфликту в Ферганской долине, литература по конфликтному потенциалу трансграничных районов Кыргызстана и Таджикистана весьма ограничена. Между тем, число маломасштабных столкновений и трений на границах районов Баткен и Исфара постоянно увеличивается. Поэтому в этой статье сделана попытка улучшить понимание онтологии обострения конфликта в этом регионе и идентифицировать факторы, которые усугубляют напряженность между сообществами.

Краткий обзор обострения конфликта в регионе Баткен-Исфара показывает, что трансграничный конфликт в Центральной Азии нельзя объяснить единственным линейным способом и свести к факторам первичных межэтнических антагонизмов. Имеется множество факторов, которые могут определять сектантскую вражду. В этой статье идентифицированы четыре фактора, которые усугубляют трения и мешают восстановлению мирной социальной ткани отношений в регионе Баткен-Исфара: унаследованные неразрешенные проблемы из советского прошлого, неэффективное использование природных ресурсов, милитаризация границ и отсутствие основанной на фактических данных политики.

Поскольку эта работа была продиктована нормативными устремлениями, автор надеется, что национальные акторы и международное сообщество сделают изменения, необходимые для предотвращения конфликтов и превращения региона Баткен-Исфара в место, свободное от соперничества и враждебности. И наконец, фольклор Центральной Азии приписывает народам этого региона верность дружбе и гостеприимство. Должна же быть реальная основа для этого.

Об авторе

Доктор **Кемел Токтомушев** является научным сотрудником Института публичной политики и администрации при Университете Центральной Азии (УЦА) и старшим ассистентом по политологии Школы искусств и наук УЦА. У Токтомушева большой опыт работы в западной и в среднеазиатской среде и в число его основных научных интересов входят режим безопасности, виртуальная политика и неофициальная политэкономия Центральной Азии. Токтомушев является автором книги *Kyrgyzstan – Regime Security and Foreign Policy*, опубликованной издательством Routledge, Соединенное Королевство. У Токтомушева имеется степень кандидата наук по политическим наукам, полученная в Университете Эксетера, и степень магистра по международным отношениям, полученная в Лондонской школе экономики. Он так же является выпускником Гарвардской школы им. Кенеди для руководящего состава. *E-mail*: kemel_t@yahoo.com.